

«ВНЕШНИЕ ПОБОЧНЫЕ»
(12 жизней в ремарках и пробелах)

Действующие лица:

Степан, 0 лет.

Степан, 8 лет.

Степан, 14 лет.

Степан, 17 лет.

Степан, 18 лет.

Степан, 22 года.

Степан, 36 лет.

Степан, 43 года.

Степан, 55 лет.

Степан, 55 лет.

Степан, 56 лет.

Степан, 78 лет.

Так же много людей произносящих всевозможные звуки, для которых они, почему-то складываются в слова. Вокруг людей множество шумов, они смешиваются со звуками, которые произносят люди. Вокруг всего тишина.

Сцена первая.

Тишина. Немного покачивает. Лежать удобно. Нравится. Чувствуется, что и этому тоже нравится. Неприятный зуд дверного звонка, но где-то далеко, то есть не опасно.

- А-а-а-п, ну, наконец-то!

- Ура-а-а! Приехали!

- Ну, показывайте, показывайте!

- Куда? Руки! Я сама. Дай сюда. Ну, аккуратней, ну!

Светло. Ново. Непонятно.

- Ой-й-й! Мамочки, какой хорошенький!

- На тебя похож!

- А то!

- Ой-й-й! А носик какой! Твой прям!

Где-то что-то гудит, шипит. Объединяется. Вдалеке, волнами всплывает какой-то странный звук: «В связи с этим правительство постановило...». Но вокруг, шума намного больше: звуки резкие высокие, потом сразу низкие и грубые, они сменяют друг друга, извиваются в воздухе, бьют прямо в уши. Неприятно немного, но не страшно... совсем не страшно.

- Нет, носик мой, а глазки его!

- Утя-кутя! Улыбается!

- Это он мне, а тебе видишь – фигу скрутил. На, говорит, мамка фигу.

- Ну, что ты несешь, какую фигу, это он пальчики разминает.

- Карманником будет.

- Леша, ты как debil, честное слово, 16 лет уже, а несешь всякую фигню, как маленький ей-Богу.

- А я чё?

- Да ничё! Что дядька, что племянник – балбесы в майках. Хоть бы оделись попрличнее.

- Да пошутил я, чё вы?

- Ни чё, это, между прочим, брат твой двоюродный, а ты шулки шутишь! Сам, вон, по наклонной, не это самое, одни двойки из школы носишь.

- Ну, все, хватит, перепугаете сейчас!

Несут. Нежно. Бережно. Укладывают на кровать. Вокруг все белое, где-то голубое, но не много, не навязчиво.

- Все, тихо, разошлись, может он спать хочет.

- Распеленаной сначала до конца, тоже мне мать!..

- Сейчас.

- Какие ручки, какие у нас ручки. А тутунчик како-о-ой!

- Мама, ну прекрати, тутунчика никогда не видела что ли?

- Нашли, тоже мне, тему для разговора. Серега, пошли, вмажем. Пусть бабы тут сами...

- Вы идите, я сейчас.

- Пошли Лешка, пускай они тут сами породительничают. И бабушку забирай.

Дышат громко. Шаркает что-то вокруг, кружится, и медленно затихает.

- Пупок в зеленке, как у индуса.

- У индуса на лбу, и не у индуса, а у индуски, грамотей. Чему сына учить будешь?

- А-а-а, ну, да, да...

- Тише, смотри.

Тишина. Движения плавные.левой раз – шипение и негромкий треск. Правой два – дыхание и шорох. Застыл – и все застыло.

- Может дирижером будет?

- Каким дирижером? Кому они сейчас нужны?

- Тише.

Прилети жучек ко мне,

А наш папка на войне.

Мой миленок будет цел.

Только домик наш сгорел...

- Страшноватая какая-то колыбельная.

- Эту бабушка всегда пела, может и не колыбельная вовсе. Засыпает, смотри.

- Все, идем.

- Сейчас немного его накрою... Все Степушка, спи.

- Какой еще Степушка?

- Потом поговорим, дверь прикрой...

- Чё за Степа такой, Марина?

- Потом поговорим, я сказала.

Рядом что-то неприятно заскрипело, но коротко. Щелкнуло. Где-то глухо, далеко: «Смажешь завтра».

Тишина.левой – шипение и негромкий треск. Правой – дыхание и шорох. Тишина. Медленно закрываются глаза. Медленно.

- Все, за стол!

- Давайте, давайте! Серега наливай.

- За Степу!

- Марин, ну, за какого Степу?

- За Степу я сказала!

- А посоветоваться никак? Я все же отец.

- Ты насоветуешь.

- Ладно вам. За внука моего, а как звать будут какая разница.

- Ты б и поллитрой назвал.

- Ну, чего ты старая начинаешь?

- Поллитра – бабское имя получается.

- Лешка, а ну заткнись. Ба-а, а кто тебе рюмку дал?

- Мне шестнадцать уже... с половиной.

- Сейчас как дам по губам, будет тебе и шестнадцать, и шестнадцать с половиной.

- Все Лешка, рюмку убрал. За Степу!

Открыл глаза. Мешают. За Степу, кто этот Степа?левой раз, а ничего нет. Правой два, а оно куда-то пропало, только «Свеклы в шубе много» и «Правительство опять что-то постановило...».

А хочется, чтобы немного шипело и дыхание медленно, и глаза медленно, медленно. Кричать, кричать чтобы замолчали. Взять себе в помощники шипение и треск, потом дыханием выталкивать, отправлять прямо в них, а оно все бьется о «Правительство постановило...», бьется о «Пересолила», прилипает к стенам, позвонит немного и пропадает. И так каждый раз – ударится о них, отлетит к стене, прилипнет, позвонит немного и пропадает. Лучшие уж тихо, лучшие самому, лучшие уж пусть они сами себе, а ты лучшие левой раз, лучшие правой два...

Сцена вторая.

Удар. Плотный. Сразу слышно, что нога хорошо легла. Не дотянуться, сантиметр буквально, хороший удар, прямо в паутинку. Нет! Чуть выше. Красивый звон – кожа о железную трубу и от перекрестья зазвенело и по спирали в землю ушло.

- Наш, наш, угол, угол!
- Какой угол, ты чё слепой?
- Да чиркануло по пальцам, я видел.
- Чё ты брешешь? Нифига не угол. Степа выноси. Наперед.
- Я открыт. Степа, я открыт! Блин, ну чё ты спишь?

Хлестко, сильно, вперед. Даже слышно, как воздух рассекает... как сверхзвуковой самолет. За середину улетел – нормально. Дальше сами разберутся.

- Я! Славка, по флангу.
- Блин, потерял. Чё ты водишься там один, в пас играй.
- Давай на защиту, чё стоишь, потерял, так отработывай.
- Да прикрывайте вы его. Держи блин!
- Красава. Вперед! Еще, еще, сам играй!
- Оп! Вот он я – центр. Красава!
- Бей, чё ты ногу подбираешь?
- Ай, косопёр, мазила, блин.

Носком кед о штангу – звенит, расплывается по железу. Расплылось и в землю ушло.

- Степка, выноси. Чё стоишь?

Кедом о штангу еще раз, и об асфальт еще разок. Сильно о мяч, далеко. Через солнце. И тишина. Солнце. Далеко. И линия видна от асфальта до солнца и потом еще дальше. Тишина от асфальта до солнца, и потом еще дальше.

- На перехват, догоняй, давай!
- Есть, наш! Вперед. Открылись.
- Давай-давай!
- Вот он я! Вот я! Тут!
- Все! Пошел, один на один!
- Степа!

Тишина растворилась мгновенно. «Стена, не спи». Вот цель, только цель, звуки уходят, тишина, только мяч и ноги. Руки подрагивают. Удар. Молоко, вообще высоко, косарь вообще! Звук возвращается. Осыпалось. Звон резкий, короткий, повибрировал немного и пропал. Тишина. Прямо застыло все вокруг. Вдох-выдох, вдох-выход.

- Ты куда лупишь, блин?

- Ну, с ноги соскочило.

- Соскочило у него. Гони за мячом!

- Палево, Зинаидка!

Вот бы еще разок осыпалось, резко, коротко, повибрировало немного и пропало. Вдох-выдох, вдох-выдох, вдох-выдох. И тишина. И крик. И уже радио не громко: «Правительство постановило...». Ковер красный, кеды зеленые. Портрет дядьки, что по телевизору постоянно показывают. На подоконнике цветы, горшки красные, а листья зеленые. Вдох-выдох, вдох-выдох, вдох-выдох.

- У тебя мамка только на стекла работать должна? Что молчишь? Не он это, а кто тогда, Пушкин?

Глаза закрыть. Вдох-выдох, вдох-выдох, и уши бы закрыть, чтобы внутри где-то далеко осыпалось, резко, коротко, повибрировало немного и пропало. И еще разок бы.

- Вам тысячу раз нужно повторить, что у школы играть нельзя? Или сто тысяч? Тебе физкультуры мало? Мало, я спрашиваю? Так я тебе устрою. Всем классом будете у меня до конца четверти двор подметать. Так, кто с тобой был? Что молчишь, Филиппов, в партизаны записался? А ну открой глаза, когда я с тобой говорю, ишь, ты мне! Ты мне тут не корчи обиженного, не корчи!

Звонок. Долгий, противный, ненавистный. Раз-два-три-четыре-пять-шесть-семь. Все. Побежали ноги. Топ-топ-топ-топ. И крик. Гвалт просто. Коридор загудел.

- Началось! Чего глаза косишь, тоже, небось, бежал бы сейчас сломя голову. Все! Добегался!

Крики и топот все сильнее и сильнее заполняют коридор, лезут через щели в двери, потом за шиворот, в карманы, под штанины брюк. Становится неприятно, как будто тысячи мурашек бегут по всему телу.

- Ты что думаешь, сейчас постоишь тут, глазки мне построишь и все? Не пройдет. Дневник давай, чтоб мать завтра же здесь была!

Бегут ноги. Кричат рты. Рой. Улей.

- Дневник давай говорю. Что стоишь?

Защелка первая - щелк. Вторая... не получается. Перчатки мешают. Руки потные. Вторая защелка – щелк. Вот бы еще разок. Вот бы еще разок осыпалось, резко, коротко, повибрировало немного и пропало. Вдох-выдох, вдох-выдох.

- Так, где ручка моя?.. Ладно. Завтра же, слышишь меня, завтра же чтобы мать была. И деньги на стекло... и на шторы тоже, я там все написала.

Грифель карандаша отстукивает по лакированному столу. Тац-тац. Медленно. Звук хоть и резкий, но все же заглушается шумом коридора. Тац-тац. Медленно. Как маленький молоточек опускается на крошечную наковальню. Тац-тац-тыц.

- Сломала. Так, все, быстро в класс, я сказала, чтоб глаза мои тебя не видели.

Коридор ревет в неистовом вихре, грохочет портфелями, гомонит и стонет бесконечным потоком голосов. Проваливаться в этот рой не хочется.

Вот бы еще разок. Но вот бы еще разок осыпалось, резко, коротко, повибрировало немного и пропало. Вдох-выдох, вдох-выдох.

Сцена третья.

- Сядь ты не моячь.

- Не сидится что-то. Степа... Степа, нам нужно серьезно поговорить. Степа, ты уже взрослый.

- Блин, ну, что ты говоришь? Как в сериалах, что ты нормально объяснить не можешь?

- Как нормально? Нормально я объясняю.

Сердце стучит. Громко. Дыхание задержать, и потом медленно, долгой такой струйкой пф-ф-ф до стены. Воздух плывет медленно-медленно, впитывается в обои.

- Да, все он и так понимает, а ты все сюсюкаешься с ним.

- Что он понимает?

- А что ему не понимать, 14 лет уже? Что он так не видит, что происходит?

- А ты считаешь, что объяснять ничего не нужно, да?

- Что объяснять? Степа, ты понимаешь, что мы с мамой разводимся, и теперь будем жить раздельно?

Слышно, как у него на руке часы тикают, и можно прямо в этот звук погрузиться, и, как под метроном: пф-ф-ф, долгой такой струйкой прямо до стены самому впитываться в обои.

- И поэтому тебе надо решить.

- Ребенок должен оставаться с матерью.

- Помолчи. Что ты на него давишь?

- А ты не давишь? У бабушки будем жить, там Джим, там речка.

- А что мне ему вообще ничего не говорить? Сама не лучше.

- Ребенок должен жить в городе.

Машина за окном, сигнализация. В городе машины и мотоциклы, если закрыть глаза, то можно вместе с ними ехать куда хочешь, а если ночь, то и глаза можно не закрывать. Сердце стучит.

Медленно, долгой струйкой до стены пф-ф-ф. Впитывается в обои.

- Ты самая умная что ли?

- Да.

- Самая умная? Дура, начиталась всякой херни...

- Да закрой ты рот.

- Сама закрой!

- Ой, знаешь что?

- Не знаю, Степа, с кем жить будешь?

- Степа с кем жить будешь?

Когда к бабушке едешь на автобусе таком оранжевом, у него еще дверь скрипит и постоянно заедает, нужно сзади садиться, тогда слышно, как камешки из-под колес выскакивают, а если в середине сидеть, то слышно, как от передних колес они в днище бьют.

- Степушка, послушай, ты не подумай, что мы на тебя давим. Ты это сам решить должен.

- Ты главное пойми...

- Кого ты больше любишь.

- Вот что ты говоришь? Что ты перебиваешь постоянно?

- Никто тебя не перебивал.

- Нет, ты лучше скажи, что это значит, кого ты больше любишь, ты вообще понимаешь, что ты говоришь?

А впереди вообще не интересно сидеть: там двигатель постоянно грохочет, и от водителя сигаретами воняет. В двигателе постоянно что-то рычит, крутится, хлопает, и, кажется, ты от этого звука раздуваешься, как пузырь, и если будет еще один хлопок или кочка, то ты вместе с ними взорвешься и разлетишься в разные стороны. Неприятные ощущения, наверное. Пф-ф-ф.

- Что ты лезешь тут? Ты видишь, что ребенок закрылся.

- Потому что ты постоянно орешь.

- Я ору, потому что ты мне слова не даешь вставить.

- Это кто еще кому не дает, да тебя же не заткнуть!

- И выбирай выражения.

- Ах-ты, Боже ты мой, не поздновато ли вы за воспитание сына взялись?

- Сын мой, я его родила, между прочим.
- Ты еще скажи, что я к этому рождению руки не приложил.
- А кто знает?
- ... Ух ты ж... нельзя так, Марина...

На речке камыш, в камышах лягушки, утром и вечером они разговаривают. А утки смеются над ними х-х-х... Джим лает. Когда вечером в поле, даже эхо есть. Даже в лесу слышно.

- Степа едешь со мной?
- Суд решит с кем поедет!
- Заткнись!
- А ты не затыкай.
- Заткнись, я сказал!

В комнате тише. Там можно вспомнить, когда Джим из воды вылезает и отряхивается звук такой смешной, уши хлопают.

- Ты вот, я вот... я тебе за это вот, понимаешь, я тебя?
- Ну, я еще на суде скажу, что ты мне угрожал.
- Да, что же ты делаешь-то, человек ты вообще или нет?
- Для кого человек, а для кого и нет. Дальше что?

В комнате тише. Там можно вспомнить, когда утром петух прокричит, сразу тишина такая мягкая становится, и снова засыпаешь. Тишину вспоминать приятно. В комнате тише.

- Ты видишь, что с ребенком? Степа вернись.
- А кто его довел? Кто довел, я спрашиваю?

Дверь закрыть. Вот. Тише, намного тише. Сердце стучит. Дыхание задержать, и потом медленно, долгой такой струйкой ф-ф-ф до стены. Воздух плывет медленно-медленно, впитывается в обои.

Сцена четвертая.

- А вино есть еще?
- Дай гитару, я Умку спою.
- Умка глумить будет.
- А ты не слушай.

Шагая ночью по темным холмам

*Я вижу воочию заброшенный храм
Летучии мыши, хлам по углам
Разобрана крыша, заброшенный храм
Четыре луны в глубине небес
Темные холмы, далекий лес
Просвечены звездами темные своды
Прозрачная ночь, ночная свобода*

- Так есть там вино еще, или чё?
- Там уже на дне, надо малого послать.
- Я не пойду, у меня ног нет.
- О, рубануло.
- Малой, а кроссовки есть?
- Есть.
- Так ты кроссовками сходи, нафига тебе ноги?
- Тема.

Заберите мой дом, но оставьте мне голос

*Голос, голос, голос
Голос мой дом, голос мой сад
Голос мой рай, голос мой брат*

- Степа, чё загрустил, прибило?
- Да не трогай ты его, он чего-то целый день такой.
- А я думал он всегда такой.
- Ладно, чё ты ржешь, пусть посидит, может, попустит.

*Голос мой храм, голос мой гром
Голос мой drum, голос мой OM
Голос мой дом*

- Вчера сижу на остановке, и такой, бац, и мир перевернулся, и всё вверх ногами, люди такие вверх ногами, тралик рогами, короче, едет.
- Прикол.
- Тема.
- Малой, чё тема? За вином гони говорю.

- И тут бабуля какая-то подходит, говорит, типа, внучёк все хорошо? А это я с лавки, короче, упал и лежу вверх ногами. Куртку запорол, блин, мать по башке дала.

*Мне снятся иногда ночные города
Там был какой-то дом, где мы были вдвоём
Не помню, с кем - утрата утрата
нет возврата*

- А помнишь, как Ярик клея передышал?

- Не.

- Ну, когда на башку пакет одел? Пакет сняли, а у него вся башка в клею.

- Это когда он лысый потом ходил?

- Ну.

- А.

Если бы слезу можно было раздуть как мыльный пузырь, держать ее на ладони, а потом крикнуть в нее, чтобы твой голос прошел прямо в центр этого пузыря. Если бы было можно подкинуть этот пузырь и над самой своей головой ткнуть в него пальцем. То слезы твои, вместе с твоим голосом разлетелись бы в разные стороны на двенадцать километров.

- Э, смотри, Степа плачет что ли?

- Точно. Степа ты чего?

- Накрыло, видать, совсем.

- Надо воды ему дать. Смотри, какие слезы большие, умрет от обезвоживания еще.

*Чужая постель, чужие стулья
На мусорном кресле чужая бабуля
Летучие мыши, хлам по углам
Разобранная крыша, разрушенный храм*

- Какой воды, на воздух надо.

- Пусть лучше посидит.

Если плюнуть, то мельчайшие частички твоей слюны разлетятся в радиусе до двенадцати километров. Почему так нельзя сделать с голосом, почему так нельзя сделать со слезами, почему так нельзя сделать с тишиной. Так и ходим, оплеванные черт знает кем, а слезы твои капаят у твоих ног, голос твой падает чуть дальше, а тишина вообще недосыгаема. Вообще. Никогда.

- Он щас крякнет, и чё делать будем?

- А чё он крякнет? Нечего он не крякнет. А чё он крякнет?

- Он щас крякнет, и чё делать будем?
- А чё он крякнет? Ничего он не крякнет.

Заберите мой дом, но оставьте мне голос

Голос, голос, голос

Голос мой дом, голос мой сад

Голос мой рай, голос мой брат

- Надо на улицу его вести, я те кричу.
- На улицу – палево, пусть тут отсидится.
- А вдруг он щас заблюёт здесь все.
- Не, давай он на улице все заблюет, нас тогда точно мусора примут.

Голос мой храм, голос мой гром

Голос мой drum, голос мой ОМ

Голос мой дом

- Прикинь, на улице все заблевать...

- Тема.

- Малой, бля, ты не ушел еще что ли? Вали давай скорее.

Но все же, если представить. Представить, что голос твой летит на двенадцать километров, слезы твои летят на двенадцать километров, а тишина, тишина – она недосыгаема. Вообще.

Никогда.

Сцена пятая.

Тишина. Солнце в лицо, жарко, и все звенеть начинает. Резкий такой звон, неприятный. Глаза закрыть. Все равно звенит, от уха до уха через всю голову тонкой такой струной. Режет. До зуда в ушах режет и на десны скатывается.

- Товарищ лейтенант, рядовой Тарасевич для принятия военной присяги прибыл.
- Военную присягу принять.
- Есть.

Во рту сухо, слюну сглотнуть, горло дерет и на секунду уши закладывает, и снова струной мозг режет.

- Я, гражданин Республики Беларусь Тарасевич Игорь Генадьевич, торжественно клянусь быть преданным своему народу, свято соблюдать Конституцию Республики Беларусь...

- (в строю шепотом) Чё он там мямлит, быстрее что ли нельзя?
- Пиздов выписать надо было.
- После отбоя выпишем.
- Смотри, чтобы нам всем после отбоя не выписали.
- ...Выполнять требования воинских уставов и приказы командиров и начальников. Клянусь достойно исполнять воинский долг, мужественно и самоотверженно защищать независимость, территориальную целостность и конституционный строй Республики Беларусь.

Солнце. Звенеть не перестает. В животе урчит, накатывает рвота.

- (в строю шепотом) Тараска, ебанный урод, быстрее расписывайся, четвертый час жаримся, охереть можно.
- Товарищ лейтенант, рядовой Тарасевич военную присягу принял.
- Поздравляю с принятием военной присяги.
- Служу Республике Беларусь!
- Молодец. Стать в строй.
- Есть.

Уши совсем заложило. Вокруг все булькает и звенит, слюна вязкая, чавкает во рту. Ноги не держат. Солнце на все небо, огромное. Звенит невыносимо.

- Рядовой Филлипов.

Струна вибрирует в голове, нарезая мозг на дольки. От затылка и вниз полнейшая слабость.

Внешние звуки уже почти не слышны. Солнце стало еще больше.

- Рядовой Филлипов!
- (в строю шепотом) Степа, «якай» там, чё спишь?
- Бля, Сухой, подтолкни там его.

Солнце, кажется, сейчас проглотит всех. Новая волна рвоты, во рту горько. Уши заложило полностью. Свет, свет... мутнеет в глазах. Боль в спине, наверное, кто-то ударил прикладом. Следующий. По очереди следующий. Тишина, струна растворилась, слабости нет, все куда-то ушло. Темнота, безмятежность, пустота.

- Еб твою мать.
- Перегрелся.
- Поднимите там его.
- Воды, воды дайте.
- Этого, блять, еще не хватало.

Все куда-то ушло. Темнота, безмятежность, пустота.

- А кто свалился?

Сцена шестая.

Волны накатывают все сильнее и сильнее, как бы вызывая тебя на поединок. Выпрыгнуть из босоножек и с разбега окунуться в темную бурлящую воду. Вынырнуть, нащупать дно, встать на ноги, сделать несколько шагов назад, и снова с разбега рассекать волны своим телом.

- Вот дурак. Хоть бы майку снял.

- Да ему вообще пить нельзя.

- Не пьяный он. Он у нас человек настроения.

- А мне кажется, что он после армии вообще пришибленный какой-то стал.

- Да он всегда такой был, закрытый просто человек.

- И на фига мы его взяли?

- Лиза, я тебе сто раз говорил, он мой друг. Все, вопрос закрыт.

- Закрыт, закрыт.

По самую шею. Еще немного, еще шаг, еще полшага. Удержаться на ногах практически невозможно, напрягая икры, вгрызаться мизинцами в песок. Это только наша дуэль.

- Надо за дровами еще сходить.

- Да хватит пока.

- Когда в гостиницу пойдем? Холодно уже.

- А ты к костру поближе сядь, или Вадика крепче обнимай.

- А причем тут Вадик, он меня просто от ветра закрывает.

- О, Вадик, ты у нас, оказывается, просто от ветра закрываешь.

- Ну, тогда я точно за дровами.

- Вадюша, ну, что ты обиделся сразу?

- Я не обиделся, я за дровами пошел.

Вода соленая, волны накрывают с носом – еще глубже мизинцы в песок. Набираешь полную грудь воздуха и от мизинцев через икры и бедра, от живота до грудной клетки, скребя о гортань выстреливать звук, давая отпор волнам.

- Чё он орет там?

- Акул отпугивает.

- Степа, всю рыбу распугаешь!
- Да больной этот ваш Степа.
- Лиза, я сказал - вопрос закрыт.

Как кит посылать звук на километры вперед, рассекая океан пополам. Уходить на глубину, рассекать океан, возвращаться назад за необходимым глотком кислорода, и снова разрезать воду на километры вперед. Держаться, главное держаться.

- В него, чё, бес вселился что ли?
- Главное чтобы не утонул, а так перебесится – придет.
- Да просто человек на море первый раз, вот и отрывается.
- Нифига себе отрывается. Орет белугой резаной.
- Может он эту белугу и заманивает, брачный ритуал такой.
- Надо ему белугу подыскать. Лиза, давай его с твоей сестрой познакомим?
- Еще что?

Пусть победить невозможно, но попытка, все дело в попытке. Устал. Вода держит твою голову, вода держит твою спину, вода держит твои икры. Только что она была твоим главным врагом, а теперь нежно, бережно поддерживает тебя. Спасибо тебе, большая вода, спасибо тебе большое небо.

- А куда он делся?
- Нырять, может?
- Ну, что-то долго не всплывает.
- Всплывет, такие не тонут.
- Вот, что ты начинаешь? Я же про твоих куриц молчу. Как разукрасятся, так, блядь, страшно смотреть.
- Твои, зато лучше, молчал-молчал, потом пошел на море орать. Придурок.

Черная вода сливается с черным небом, образуя вокруг мягкий кокон. Спасибо тебе, тысячерукое море. Спасибо тебе, тысячеглазое небо.

*«Прилети жучек ко мне,
А наш папка на войне.
Мой миленок будет цел.
Только домик наш сгорел...»
Колыбель. Тишина.*

Сцена седьмая.

Двери постоянно стучат. Сквозняк. Быстро летит звук. Хочется вскочить с места и бежать с ним наперегонки.

- Стёп, сделай двести копий.

Полет за звуком обрывается. Снова ноги твои стоят на старом затертом линолеуме. Так же как и всегда противно гудят лампы дневного света.

- И бланков еще штук пятьдесят, чтоб не бегать потом.

Большая зеленая кнопка ксерокса. Равномерно бежит барабан фоторецептора. Вжик – раз. Вжик – два. Вжик, вжик, вжик.

- Девочки, кому каталоги Орифлеймовские, тут скидки к восьмому марту.

- А у тебя за прошлый месяц нету? Я хотела тональник взять.

- Ты мне артикул скажи, я тебе в среду привезу.

- Я где-то записывала, найду – скажу.

- Света, каталог глянуть не хочешь к восьмому марту?

- Это не мои проблемы, еще не хватало, чтобы я себе подарок на восьмое марта выбирала. Пусть муж думает.

Привычно жужжит ксерокс. Готовится. Вжик – раз, вжик – два, вжик, вжик, вжик. Точно, слаженно, одинаково. Вжик, вжик, вжик. Точно, слаженно, одинаково. Телефон. Через каждые две страницы пищит телефон. Тишина заговорила.

- Боря, тебя главный не вызывал?

- Вызывал, дал мне эту бумажку, что контракт заканчивается.

- Продлят?

- Нет, я же его тогда на корпоративе послал.

- Так ты к нему больше не подходил?

- Да пошел он на хер. Он мне даже премию не выписал к 23 февраля, я что, не мужик что ли?

- Да, ты бы просто подошел, он же нормальный вроде...

- За такую зарплату, буду я еще пресмыкаться. К брату пойду, в охрану...

Тишина заговорила. Вжик, вжик. Через каждые две страницы пищит телефон. И тут подключаются ударные – степлер громко пробивает бумагу. Бах, бах. Шесть сотрудников отдела продаж разом застучали по клавиатурам. Опускаются жалюзи, в столах открываются и закрываются ящики, несгораемый шкаф мелодично бьет дверцей, толстый кулер в такт булькает огромными пузырями. Симфония! Стоя на столе можно легко дирижировать этим оркестром.

- ...Передай платежку...
- ...Откройте окно...
- ...Вторая линия...
- ...Оплатили давно...
- ...Платеж не прошел...
- ...Не тот формуляр...
- ...А где Соколов...
- ...Он в пробке застрял...
- ...Я факс тебе положила на стол...
- ...В одноклассниках видели сегодня приколы...
- ...Как будет готово, так сразу пришлите...
- Степан Сергеевич, слезьте со стола, и к главному зайдите... Степан Сергеевич, со стола слезьте, что это еще такое. К главному, говорю, зайдите, вызывает.

Противно гудят лампы дневного света. Одиннадцать шагов до двери главного.

- В прошлом месяце мы извещали вас об окончании контракта... все соответствующие бумаги вы видели и подписали... Степан... э, как же... Андреевич, да? Степан Андреевич, я должен сообщить вам, что контракт с вами продлен не будет.

Настольные часы отбивают ритм. А за дверью, если прислушаться, кулер держит ритм-секцию, веселая перкуссия клавиатур, трель телефонов. Да, можно улыбаться. Можно.

- Странная реакция, ну, да, дело ваше... Я просто хотел, чтобы вы знали, что это не мое решение, это решение из головного...

Жаль, что дверь закрыта. Но звук все равно проникает в кабинет, кружится вокруг этого стола, вокруг этого монитора, вокруг этой лысины. Да, можно улыбаться. Можно.

- ...Передай платежку...
- ...Откройте окно...
- ...Вторая линия...
- ...Оплатили давно...

Кажется, что железный шкаф хромает и пару раз попал мимо ритма. Если бы немного приоткрыть дверь, совсем чуть-чуть.

- Не уходите, вам нужно подписать бумаги... Да, и вот тут еще...
- ...Платеж не прошел...
- ...Не тот формуляр...

- ...А где Соколов...
- ...Он в пробке застрял...
- ...Я факс тебе положила на стол...
- ...В одноклассниках видели сегодня прикол...
- ...Как будет готово, так сразу пришлите...
- Да, спасибо, это все. Степан Иванович, сами понимаете, какое время... Всего доброго.

Если убрать этот голос говорящий невпопад было бы просто замечательно. Вот, вот, ведь это прекрасно когда ролики кресла скользят по паркету.

- Дверь за собой прикройте. Шумно сегодня.

Сцена восьмая.

Люди чавкают. Скребнут вилками по тарелкам, стучат ложками о края стаканов. Но через этот стук, шепот и шуршание слышна тишина. Вязкая, обволакивающая, холодная.

- Хороша закваска...
- Вот и собрала нас всех покойница...
- Хлеб передайте... Спасибо.
- Да... лучше по таким поводам совсем не собираться.
- И не говори...
- А куда ж денешься... никуда...
- Никуда-никуда...

Кто-то нервно стучит ногой в пол. Говорят тихо, так принято. Скрипят ставни. Ветер.

- Эти все разойдутся тогда и поговорим.
- Да не могу я ждать, у меня самолет. По хорошему, мне сейчас уже ехать надо.
- Да что думать, продаем дом, деньги делим.
- И за сколько ты его продашь? Копейки. А земля есть земля. Я считаю придержать надо.
- Мать, как говорится, остыть не успела, а вы уже дом рвете.
- Дядь Толь...
- Да ладно мне, дядь Толь. Степа пошли, покурим.

Скрип стульев. Стук массивных сапог по деревянному полу, как молотом разбивает звенящее напряжение. Войдя в сени легко ощутить, как тишина тянет тебя назад, но погружаться снова в это холодное безразличие совсем не хочется, и ты вырываешься, в затхлый, кислый запах сеней.

- Ты, Степка, дом им не отдавай. Родительский он.

В сенях слышно как на улице поет одинокий голос.

Для всех солнце светит,

А для меня нет.

Я лежу во гробе

И не вижу свет.

Святой Боже, Святой Крепкий,

Святой Бессмертный, помилуй нас!

- Баб Вер, ты чего здесь одна?

- А там разве по-людски помянешь?

- Да, противно это все... воронье, воронье...

- А я уж и привыкла, знаешь, сколько насмотрелась.

- Да, как же тут привыкнешь?..

- Так ты о своем долге думай, а за людей не решай. Пусть им, как есть, а ты сам помяни...

Вырастет могила

В частой тишине,

Не плачьте, родные,

Тяжко будет мне!

Святой Боже, Святой Крепкий,

Святой Бессмертный, помилуй нас!

Слезы падают, на траву, на землю, глубже.

- Степа, я там ребятам, что копали, колбасы дал, водки, так что там все в расчете. Ты главное с их начальником переговори, чтоб место рядом не продавали, я через месяц приеду, выкуплю его.

Слезы падают, на траву, на землю, глубже.

Не ходи, прохожий,

Не топчи мой прах,

Я – уже тут дома,

А ты еще в гостях.

Святой Боже, Святой Крепкий,

Святой Бессмертный, помилуй нас!

Голос льется нежно, тишина расступается перед ним, и голос летит, через двор, через сад, через поле, через лес, через озеро, дальше. Слезы падают, на траву, на землю, глубже.

Сцена девятая.

Лучше спрятаться. Невыносимо слушать такую какофонию, но оставаться совсем без звуков невозможно. Дорогие, самые большие наушники полностью закрывают уши. Звук становится далеким, забитым. Конец провода прячется в карман около пачки сигарет. Наушники так же защитят от ненужного общения.

Перегон. Переход. Пересадка. Вокруг постоянно все гудит, шумит, шипит. Люди говорят, смеются, кричат. Ожидание поезда. Подъезжая, поезд гудит. Звук противный, раздражает, кажется, как будто огромная летучая мышь, расправив крылья, несется на тебя. Люди толкаются. Вечно спешащие, уже готовы ворваться в вагон, сметая всех на своем пути.

Секундная пауза перед открытием дверей. Взрыв.

Взрыв. Яркая вспышка. Сбивает с ног взрывной волной. Только что перед глазами были спины, затылки, глаза, теперь потолок, своды, мерцающие лампы. Моментально все затягивает дымом и гарью. Надо подняться, везде люди, бегут, ползут, лежат. Лежат. На шее что-то мокрое, от наушника по шее кровь. Кровь. Тишина. Тишина. Вокруг люди, бегут, ползут, лежат, лежат и тишина. От бега людей клубы дыма раскручивает, и вихрь из дыма и человеческих тел

закручивается все сильнее. В полной тишине руки сами поднимаются. Вот она главная симфония!

Первая в мире симфония тишины! Воспарил над оркестром, левой раз – тишина, правой два – тишина. Тишина. Как же, как же убыстрить или замедлить темп, как сделать тишину громче? Нет, симфония льется сама собой. Написанная неизвестным композитором, она больше никому не подчиняется. И как бы ни старался, ни левой раз, ни правой два, никто не сможет управлять ею.

Опустились руки, а симфония продолжается – вихрь все сильнее и сильнее. Композитор не мог просто закончить свое произведение, он знал, для чего он его пишет, с каждой нотой все ближе и ближе подводя зрителей к финалу – к вечной тишине.

Дым, гарь, люди. Чьи-то руки понесли в потоке этого вихря. Гаснет свет. Сквозь темноту и густой дым пробиваются сильные лучи фонарей МЧС.

Сцена десятая.

- ...Террористы могут установить взрывные устройства в самых неожиданных местах: на дорогах, в жилых домах, на транспорте, в общественных местах, припаркованных автомобилях. В настоящее время могут использоваться как промышленные, так и самодельные взрывные устройства, замаскированные под любые предметы.

- ...Заметив взрывоопасный предмет (гранату, снаряд, бомбу и т.п.) не подходите близко к нему, позовите находящихся поблизости людей и попросите немедленно сообщить о находке в милицию. Не позволяйте случайным людям прикасаться к опасному предмету или пытаться обезвредить его.

Слух еще не до конца восстановился. Но это не плохо. Так спокойнее. В темноте комнаты мерцает телевизор. Хорошо, что его почти неслышно, можно слушать тишину. Иногда она звенит, а иногда... иногда, как бы ни старался, ни левой раз, ни правой два, никто не сможет управлять ею.

- ...Совершая поездки в общественном транспорте, обращайте внимание на оставленные сумки, портфели, свертки, игрушки и другие бесхозные предметы, в которых могут находиться самодельные взрывные устройства. Немедленно сообщите об этом водителю, машинисту поезда, любому работнику милиции. Не открывайте их, не трогайте руками, предупредите стоящих рядом людей о возможной опасности.

- ...Заходя в подъезд, обращайте внимание на посторонних людей и незнакомые предметы. Как правило, взрывное устройство в здании закладывают в подвалах, на первых этажах, около мусоропровода, под лестницами. Будьте бдительны и внимательны.

Слух еще не до конца восстановился. Но это не плохо. Так спокойнее. В темноте комнаты мерцает телевизор, в окне видно, как вокруг горящего фонаря роятся ночные мотыльки. Раньше можно было выйти на балкон, закрыть глаза и слушать, как тихо гудит лампа фонаря, и мотыльки бьются друг о друга. Странно... мотыльки бьются друг о друга... Перед глазами возникает вихрь из дыма и людей.

- ...Об опасности взрыва можно судить по следующим признакам: наличие неизвестного свертка или какой-либо детали в машине, на лестнице, в квартире и т.д.; натянутая проволока, шнур; провода или изолирующая лента, свисающая из-под машины; чужая сумка, портфель, коробка, какой-либо предмет, обнаруженный в машине, у дверей квартиры, в метро.

По ночам не спится, перед глазами постоянно возникает вихрь из дыма и людей. Днем, иногда, глаза сами закрываются. Перед глазами возникает вихрь из дыма и людей. Симфония. Зачем композиторы пишут симфонии?

- ...Если вдруг произошел взрыв, но Вас не завалило обломками стен, мебели, потолков (при этом могут быть поражения легкой и средней степени тяжести предметами жилища), не теряйтесь. Спокойно уточните обстановку. В случае необходимой эвакуации возьмите документы, носильные предметы первой необходимости, деньги (сберкнижки). Продвигайтесь осторожно, не прикасайтесь к обвисающим конструкциям, не трогайте оголенные провода. Не пользуйтесь открытым пламенем во избежание взрыва газо-воздушной смеси.

Часто приходят воспоминания. Сильно о мяч, далеко. Через солнце. И тишина. Солнце. Далеко. И линия видна от асфальта до солнца и потом еще дальше. Тишина от асфальта до солнца сменяется вихрем из дыма и людей.

- ...При сильном задымлении или запылении используйте ватно-марлевые повязки или защитите органы дыхания смоченным куском ткани (платком, полотенцем, обрывком простыни, скатерти и т.п.). Действуйте в строгом соответствии с указаниями должностных лиц по системе оповещения (взаимной информации).

Еще можно вспомнить, как в детстве, Джим из воды вылезал и отряхивался, звук такой смешной был, уши хлопали. А когда вечером в поле лаял, даже эхо было. Даже в лесу было слышно. Эхо сменяется вихрем из дыма и людей.

- ...Если Вас завалило обломками стен, постарайтесь не падать духом, не отчаивайтесь, по возможности успокойте себя, дышите глубоко и ровно, настройте себя терпеть голод, жажду, не тратьте силы.

Дикая усталость. Голос твой летит на двенадцать километров, слезы твои летят на двенадцать километров, а тишина, тишина – она недосыгаема. Вообще. Никогда. А в ней, в тишине, вихрь из дыма и людей.

- ...Голосом и стуком привлекайте внимание людей, особенно если Вы слышите их действия вблизи. Если Вы находитесь глубоко от поверхности земли, перемещайте вправо-влево любой предмет (кольцо, ключи, браслет и т.п.) для обнаружения Вас металлолокатором.

Солнце, кажется, сейчас проглотит всех. Новая волна рвоты, во рту горько. Уши заложило полностью. Свет, свет... мутнеет в глазах. Тишина, струна растворилась, слабости нет, все куда-то ушло, перед глазами только вихрь из дыма и людей. Темнота, безмятежность, пустота.

- ...Берегите кислород, не зажигайте спичек, свечей, зажигалок. Продвигайтесь (пошевелитесь) осторожно, чтобы не вызвать нового обвала ориентируйтесь по движению воздуха, поступающего снаружи. Если у вас есть возможность, с помощью подручных средств (предметов) – доска, кирпич и т.п. укрепите от обрушения несущую плиту (потолок). Спокойно дожидаетесь помощи. При сильной жажде положите в рот небольшой камешек и сосите его, дыша носом.

Черная вода сливается с черным небом, образуя вокруг мягкий кокон. Спасибо тебе, тысячерукое море. Спасибо тебе, тысячеглазое небо. Колыбель. Тишина.

- ...Дорогие друзья, на этом наша передача окончена. Спасибо, что оставались с нами. Берегите себя и своих близких. До свидания.

Сцена одиннадцатая.

- ... В совершении преступлений, предусмотренных частями 1, 2, 3 статьи 289 Уголовного Кодекса (терроризм), частями 2, 3 статьи 295 (незаконный оборот оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ), частями 2, 3 статьи 339 (злостное и особо злостное хулиганство), частью 2 статьи 218 (умышленное уничтожение либо повреждение имущества), частью 1 статьи 14 и частью 3 статьи 339 (покушение на злостное хулиганство), частью 1 статьи 14 и частью 2 статьи 218 (покушение на умышленное уничтожение имущества). По совокупности преступлений, окончательно назначить смертную казнь, расстрел, без конфискации имущества.

В зале шумно. Постоянно щелкают фотоаппараты. Если закрыть глаза, кажется, что попал на какую-то фабрику.

- Подсудимый имеет право на последнее слово. Подсудимый, вы хотите что-нибудь сказать?

Подсудимый молчит. Он не качает головой, просто молчит. Без каких-либо эмоций, молчит и даже не качает головой. В зале начинается волнение.

- Скажи!

- Скажи что-нибудь, почему ты молчишь?

- Сволочь, не молчи, объясни нам!

- Что думаешь отмолчишься?

Поразительно! Гениально! Вы слышите? Вы понимаете, откуда идет тишина? Нет, это немыслимо. Вы понимаете, откуда идет тишина, вы понимаете, кто создал эту тишину? Встать, аплодировать, встать и аплодировать, встать и аплодировать, больше такого не встретить.

В зале суда раздаются аплодисменты, медленно, громко, уверенно, быстрее, громче, уверенней. В зале суда аплодисменты твердые, громкие, уверенные.

Сцена двенадцатая.

Голубь стучит коготками по подоконнику. Тишина. Мелькая среди деревьев громко гудит локомотив. Снова тишина. У окна самое тихое место.

- Лекарства принял дед? Что ты машешь тут башкой своей лысой? Рот открой.

Шаги растворяются. Снова все обволакивает тишина. Много лет у окна самое тихое место.

Зимой, летом, весной и осенью. Голубь воркует, поет на своем голубином, цокает коготками по подоконнику.

- Бля, придурок, слюни вытри, всю рубашку обвафлял. Маш, сколько времени?

- Не знаю.

- Давай их, короче, по палатам разгонять, задрало на их морды смотреть.

- Ну, разгоняй. Я пока пойду, чай поставлю... Степа, ты только этого не трогай, пусть посидит еще, ему хорошо тут, у окна...

- Степан Сергеевич, тезка, любимчик твой. Ладно, пусть сидит, тезка, пусть посидит. Разбалуешь, потом будет тебе сопли по халату размазывать.

- Не будет. Он хороший... Тихий... Одинокий только.

Слезы падают на колени, на пол, глубже.

СТЕПАН. Прилети жучек ко мне,

А наш папка на войне.

Мой миленок будет цел.

Только домик наш сгорел...

Голос льется нежно, тишина расступается перед ним, и голос летит, через окно, через решетки, через лес, через озеро, дальше. Голос растворяется в озере, в лесу, на решетке, в окне, на губах.

Глубже. Навсегда.

Конец.

Май-Октябрь 2012